

Нетихий Тишайший

Несмотря на все потрясения «бунташного века», в массовом историческом сознании правление второго Романова воспринимается как покойная, мерно текущая эпоха, как время без больших перемен. Соответственно выстраивается и образ самого правителя — Тишайшего Алексея Михайловича. Для подобного представления есть свои причины. Во-первых, могучая фигура Петра, заслоняющая всех своих предшественников. Петр в сознании потомков — натиск, гроза, буря, а в канун бури, как известно, наступает затишье. Во-вторых, повинно и крепко прилепившееся ко второму Романову прозвище Тишайший, которое воспринимается большинством как характеристика личных качеств Алексея Михайловича. Он царь тихий, смиренный, богобоязненный.

Историки уже давно внесли ясность: Тишайший — полуофициальный титул московских государей, который стал употребляться еще в XVI веке. Тишайшим величали не одного Алексея Михайловича, но и его отца и сыновей, в том числе «буйного» Петра. В свое время личное имя Цезаря превратилось в титул «цезарь» и далее в царя; в нашем случае — наоборот, титул Тишайший подменил человека, стал его характеристикой. Но может быть, подобная подмена имеет право на существование и наш «тишайший человек» был в представлении современников именно таким государем? Был же «тих» его отец, про которого в народе говорили, что «дал Бог царя смирна, которого и не слышно»¹. С того же начинал, если верить беглому подьячему Григорию Котошихину, и Алексей Михайлович: «Разумели его гораздо тихим»². Но это — начало, а как сложилось дальше? Ясно, что для ответа на этот вопрос есть смысл обратиться к самой личности Алексея Михайловича и к тому, как ее воспринимали в XVII веке.

Смута, пошатнув устои власти, запрограммировала поведение первых Романовых — им предстояло реставрировать и укрепить самодержавие. Востребованными оказались определенные личностные черты, которые лучше всего работали на создание образа праведного и благочестивого государя. Вышедшее из горнила Смуты общество прежде всего видело в государе символ возродившейся государственности, жаждало «тишины и покоя» — в том специфическом понимании, которое наиболее полно отразилось в документах исхода Смуты: «Чтоб вперед Московское государство строилось и было в покое и тишине, и нам бы, начальным, потом и всяким людям, быти меж собою всем в совете и любви»³. И хотя к моменту воцарения второго Романова после Смуты прошло более четверти века, эти ценности в глазах общества не утратили свою притягательную силу.

Это не значит, конечно, что не было обратной связи: человек не колокольная форма, в которой расплавленный металл растекается строго по рукотворным пустотам. Мы видим, как на течении дел отражался темперамент, воля и характер Алексея Михайловича. Однако они могли проявляться до известных границ. Преступить незримые пределы — значило нанести непоправимый урон представлению о богоданном справедливом, милостивом государе. А это грозило новоизбранной династии всевозможными осложнениями с неопределенным исходом.

Потому Алексей Михайлович был «обречен». Обречен быть Тишайшим в том смысле, что его политика должна была в любом случае стремиться к обретению «тишины и покоя». Причем чем больше выпадало на его царствование больших и малых столкновений, тем актуальнее становилась эта задача. Второй Романов вполне сносно справился с ней, обеспечив движение самодержавия к абсолютизму в ситуации перманентного социального кризиса. Но сделал он это, будучи вовсе не «тишайшим» человеком и политиком.

Царь и временщики

Воспитанник ревнителей, второй Романов всем существом воспринял высокое предназначение самодержца, защитника и охранителя истинного христианства. Царь не сомневался, что, ответствуя перед Богом, он одновременно творит его волю.

Но груз ответственности давил на него. Достоин ли? Сумеет ли? Соответствует ли он заоблачной высоте богоданного сана? Червь сомнения точил склонного к рефлексии государя. Эта неуверенность сквозит в писаниях Алексея Михайловича, но еще более в его поступках. Противоречие между верой и глубоким пониманием своего царского предназначения, с одной стороны, и сомнение в собственных силах, в своем естестве, с другой, — один из важнейших мотивов поведения второго Романова. В этом, по нашему убеждению, психологическая разгадка многих поступков Алексея Михайловича.

Неуверенность, особенно ощутимая в первые годы правления, побуждала Алексея Михайловича искать опору в человеке, способном разделить с ним бремя власти. Такое случалось и до, и после 1645 года. Но взросление Алексея Михайловича — а это уже черта личностная — затянулось. Затянулось и «наставничество». Следом за первым наставником и воспитателем, боярином Борисом Ивановичем Морозовым, появился Никон, причем обстоятельства его возвышения свидетельствуют, что Алексей Михайлович сам подготовил это событие.

В личном плане здесь как бы пересеклись две черты характера царя. При всем несомненном уважении, которое он питал к Борису Ивановичу, ему, истинному боголюбцу, не по сердцу была алчность и неразборчивость боярина. Никон с его ревностным монашеским служением казался чище и оттого предпочтительнее.

С другой стороны, в стремительном взлете Никона, сумевшего за шесть лет сменить потертую скуфью скромного кожеозерского игумена на ослепительную патриаршую митру, можно наблюдать любопытную закономерность. Похоже, в Никоне Тишайшего привлекли те черты характера, в которых он сам испытывал недостаток. Никон казался ему монолитом, человеком, лишенным сомнений. Общение с патриархом придавало уверенности молодому государю, делало его «самодостаточным».

Сам Никон тонко прочувствовал ситуацию и беззастенчиво эксплуатировал мнительность Алексея: стараниями патриарха царь усвоил ту простую мысль, что покуда он, Никон, рядом с ним и молится за него, во всех «государевых» и семейных делах его ждет успех и удача. Противникам патриарха пришлось приложить немало стараний, чтобы развеять эту «истину» и разрушить сердечную приязнь царя к своему властолюбивому «собинному другу».

Однако падение Никона — результат не одних только интриг противников-бояр. Менялся и сам царь Алексей. Со временем выстраивалось и углублялось его понимание собственного соответствия высоте царского сана. Он должен творить милосердие и справедливость, утверждать 17 самую «тишину», которую «заказала» ему эпоха. Осмысливая свой долг, взрослеющий Алексей Михайлович уже не мог примириться с ситуацией, когда он лишь царствовал, а не правил. Это не избавило его от сомнений, но тем не менее после падения Никона он уже никогда не давал своим фаворитам прежней власти.

С начала 1650-х годов Тишайший пытается взять в свои руки все нити правления. То был знак перемен. Это у традиционалистов будущее есть воплощение предначертанного, отчего настоящее — только эхо вечности. Но для царя и его окружения в нынешних трудах зарождается будущее, и оно, это будущее, зависело

от рукотворного настоящего. Является идея быстротечности времени, и появляется страх *опоздать* — характерный стимул Алексея Михайловича⁴.

Перемены в характере отразились на взаимоотношениях второго Романова с фаворитами. Он уже не дает им прежней власти и привечает людей исполнительных и неперечливых, типа Артамона Матвеева. Матвеев же сильно отличен от своих предшественников: он предпочитал *предугадывать* желания царя и не произносить «встречных слов», заведомо зная, что они будут не по душе государю. В итоге фон царствования Алексея Михайловича становится более тусклым, приглушенным. Зато на нем более контрастно смотрится главный герой — Тишайший.

Царская гроза

О вспышках царского гнева, равно как и о его быстром «утешении», сообщают все источники. Иностранцы особенно внимательно отслеживали подобные случаи: в царской раздражительности пытались уловить свидетельства предстоящих перемен при дворе. Однако перемены обыкновенно не следовали: щедро раздарив тычки и пощечины, царь скоро унимался. Конечно, случались и отлучение от кремлевских палат, и опала, однако число подобных случаев было много меньше случаев царского «распаления». Алексей Михайлович, по складу характера человек ровный и благодушный, более играл роле грозного государя.

При этом мы вовсе не настаиваем на том, что Алексей был человеком абсолютно незлобивым. Точнее сказать, от него не исходила опасность, порожденная самой натурой.

Он не внушал страха. По крайней мере, для устрашения кого-нибудь ему приходилось прибегать к гневной тираде или даже к рукоприкладству.

Самому Алексею Михайловичу чрезвычайно хотелось быть «грозным» государем. Выговаривая в 1652 году светским членам посольства на Соловки к Филиппу-чудотворцу, которые, по жалобе Никона, проявляли недостаточно рвения и благочестия, царь изрек: «Занеже и к нам, земному царю, едут со страхом и трепетом, а то колько паче подобает ехать к такому великому светильнику со страхом и трепетом»⁵.

В представлении средневекового человека понятие «грозы» было неразрывно связано с понятиями правды, справедливости царского суда. «Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям», — писал еще в XVI столетии Иван Пересветов.

Подобные рассуждения были близки не только книжникам. «Правда и гроза» были неразделимыми и для простецов. В так называемой Большой челобитной, поданной дворянами и посадскими людьми в дни московского восстания 1648 года, Алексея Михайловича упрекали в том, что он терпит и милует народных обидчиков и упорно не желает «своего царского суда и гневу пролити» на них⁶.

Торжество «правды и грозы» должно было упрочить имидж власти и новой династии. Алексей Михайлович оказался на высоте своего положения. Не случайно идеалом для него стал Иван IV, «грозность» которого ни у кого не вызывала сомнений. Здесь, по-видимому, произошло то же, что и с Никоном. Обращаясь к образу Ивана IV, Алексей Михайлович как бы черпал те качества, в которых испытывал недостаток и которые мечтал обрести.

Он хотел быть грозой. Но до своего идеала так никогда не дотягивал. Это видно по числу опальных и характеру опалы. Опальных в большинстве своем скоро прощают, поставив непременным условием исправление ревностной службой. Сама опала если и происходит, то не выходит за традиционные рамки. В отличие от опричных времен топор палача не сносит боярские головы и никого не изничтожают «всеродно» всем родом.

Объяснение подобной «мягкости» в характере Алексея Михайловича. С тем важным прибавлением, что сама эта умеренность, ощущение границы дозволяемого в общении с подданными порождено осмыслением уроков прошлого. Прошедшие через горнило опричнины и Смуты власть и общество осознали всю пагубность террора и беззакония.

Примечательно, что в народном представлении Алексей Михайлович не дотянул до истинно «грозного» правителя. Даже бунт Стеньки Разина сопровождался призывом «побить» государевых изменников. Иными словами, это было косвенное признание того, что сам государь уже не грозен!

Тишайший за работой

Петр остался в исторической памяти как деятельный, созидательный монарх. Но едва ли его уместно сравнивать с другими. Петр — особый случай. Петр — почти гений, а гении, по меткому замечанию Ходасевича, «разнятся окраской, а не величиной».

В династии Романовых эти величины сильно различались. Известно трудолюбие Екатерины II и малосодержательная суэта ее незадачливого супруга Петра III, упрямая систематичность Николая I и легкомысленность Елизаветы Петровны. На этом фоне Алексей Михайлович выглядит не хуже и не лучше своих потомков.

Известно, что в первые годы участие Алексея Михайловича в управлении было чисто номинальным. Однако обстоятельства побуждали его избавляться от благодушия и инертности. Это давалось ему нелегко и требовало немалого душевного напряжения. Второй Романов, постигнув свою царскую *меру*, исполнял *должное*. Или иначе — да простит читатель столь современное определение — он был человеком долга в том смысле, как он этот долг понимал.

Правда, заявляя о трудолюбии Тишайшего, историк сталкивается с двумя фактами, которые ставят под сомнение подобное утверждение. Это страстное увлечение Алексея Михайловича охотой и строгое исполнение всех церковных обрядов. Понятно, что это не самым лучшим образом отражалось на течении дел. Но многодневное богомолье, долгая литургия, продолжительность которой повергала заезжих греков в ужас (у этих русских «железные ноги!»), были для Тишайшего не просто проблемой личного спасения, а истинно царским делом. Для него обязанность монарха — «общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдать и хранить нам; егда бо сия в нас в целости и снабдятся, тогда нам вся благая строения от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление, и прочим вещи вся добре устроиться имут»⁷. Потому истовая религиозность Алексея Михайловича — тот же самый пример, который вполне сознательно выказывал своим подданным Петр. Разнятся только форма (светское служение), время (новое), поприще (служба Отечеству), зато удивительно совпадают рвение и конечная цель.

Примечательно, что в церкви царь нередко занимался государственными делами. Первое упоминание о подобных опытах связано с Никоном. Будучи архимандритом Новоспасского монастыря, он получил от Тишайшего право собирать все прошения на царское имя. Челобитные обильно потекли в руки Никона, который регулярно, «в пяток», приносил их государю. Разбирал их Алексей Михайлович прямо в храме. Обстановка не смущала его. Напротив, он видел в этом особый смысл. В последующем такие занятия вошли у него в привычку, и не одна царская грамотка заканчивалась пометой типа: «Писана сия припис на всеошной у пресвятыя Богородицы честного ее Покрова во время егда воспели первый припев»⁸.

Застой в делах, связанный с охотой или богомольем, сменялся для Алексея Михайловича интенсивной работой. Царь словно ощущал укоры совести и стремился наверстать упущенное: заседал с боярами, просматривал посольские и

воеводские отписки, правил наказы и грамоты. Документы пестрят пометами «чтена», «в доклад» и т. д. В столбцах Разрядного и Тайного приказов попадают перечни вопросов, выносимых для рассмотрения государю и его ближним боярам. Они поражают многообразием, причудливым переплетением действительно важных проблем с проблемами ничтожными и случайными. Консерватор по натуре, Алексей Михайлович строил свою работу так, как было принято ее всегда строить, — достаточно хаотично, следуя за событиями. Но это не значит, что не было никаких перемен. Они были — царь оказался нетерпелив.

Нетерпение

Эпохальное «надо спешить» находило свое выражение в прозаическом царском понукании, так часто встречаемом в его грамотах. Он требовал все делать «не медля», «наспех», «безо всякой волокиты со всяким усердием», доносить о проделанном «почасту», «не мешкая ни единого часу». Любое промедление вызывало у Алексея Михайловича приступы раздражения, и он, не церемонясь, распекал виновного: «Страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строки».

Отчасти именно этому свойству характера Алексея Михайловича история XVII столетия обязана появлением такого своеобразного учреждения, как Тайный приказ. Раздраженный волокитой и непослушанием, подозревая склонных к «московским зло- хитростям» бояр в том, что они не боятся «царской грозы», Алексей Михайлович создал собственный приказ, призванный строго следить за исполнением его воли.

Неограниченная монархия ощущает неистребимую потребность в подобного рода учреждениях. Они появлялись под разными названиями — от Тайного приказа до III отделения собственной е. и. в. канцелярии, с обязательным воспроизводством общих черт: эти органы существуют *рядом* и одновременно *над* традиционными властными институтами и действуют под непосредственным руководством государя, отчего приобретают неограниченное могущество. И всякий раз несут в себе печать индивидуальности своего создателя. Хотя бы потому, что порождены *неудовлетворенностью* государей работой существующей структуры власти. Последние кажутся им несамодостаточными, и система переделывается согласно наклонностям, представлениям и вкусам монарха.

Так случилось и с приказом Тайных дел. Достаточно вспомнить, что в ведение последнего попадало все, что вызывало царский интерес: от дел государственных, действительно важных, до невинных увлечений Тишайшего, будь то охота, садоводство, огородничество или «гранатное дело»⁹. С Тайным приказом Алексей Михайлович чувствовал себя увереннее и комфортнее. Он ощущал себя грозным и всезнающим правителем, от зоркого ока которого не ускользнет ни один проступок.

Облеченные особыми полномочиями, подьячие Тайного приказа следили за воеводами, послами, приказными судьями, начальными людьми. Очень скоро в представлении современников царский тайный догляд приобрел гипертрофированный характер. Иностранцам везде мерещились царские шпионы. Сам же Алексей Михайлович в их описаниях «по ночам осматривает протоколы своих дьяков: он проверяет, какие решения состоялись и на какие челобитные не дано ответа». Мемуарам иностранцев вторят русские источники: люди родовитые принуждены были заискивать перед приказными, которых в ином случае просто не заметили бы¹⁰.

Монаршья воля, быть может, не особенно убедительная в личном общении, с помощью *абстрагированного* приказного и грозного личного послания реализовалась много скорее. Не случайно сразу же после смерти второго Романова

приказ прекратил свое существование. Дело ведь не только в том, что Федор Алексеевич в силу отсутствия опыта и слабости здоровья не мог его возглавить. Просто взявшие большую силу после смерти Тишайшего «боярские партии» поспешили избавиться от Тайного приказа, который стеснял и одновременно подгонял их.

Царственный интендант

Мысль о московском государе — защитнике и охранителе православия, столь близкая самосознанию русских людей XVII века, обернулась идеей создания Вселенского православного царства под скипетром Романовых. Откровеннее остальных выразился Никон, во время восшествия на патриарший престол в 1652 году пожелавший Алексею Михайловичу, чтобы пределы его царства распространились от моря до моря. Царь был всерьез воодушевлен идеей освобождения православных. Отсюда его прочувствованные сентенции о судьбах угнетаемых греков и торжественные обещания освободить их. Эти обещания прозвучали на заре царствования, но не были забыты и на его закате. В июне 1672 года во время крестин царевича Петра Симеон Полоцкий, не без стремления польстить отцу новорожденного, предрекал младенцу великое будущее — освобождение Константинополя от турецкого владычества¹¹.

Раз Тишайший, то должен быть незлобив и миролюбив. Между тем почти половину своего правления Алексей Михайлович провелевал, притом стороной вовсе не оборонявшейся. Царь сам искал войны, сам «кипятил» конфликты. «Имеет дух воинственный», «отец его имел склонность к миру, но у этого царя все помыслы направлены к войне», — замечали иностранцы, которым и в голову не приходило заподозрить Тишайшего в миролюбии¹².

Больше того, второй Романов имел склонность к военному делу. Цветастая характеристика Посольского приказа о Тишайшем, который «храброму учению навичен и к воинскому ратному рыцарскому строю хотенье держит большое», при всей этикетности имела под собой реальную основу. Так что первые симптомы семейной болезни Романовых — военномании — можно уловить уже во времена Тишайшего.

Правда, военные познания царя были по преимуществу книжные, полученные из западноевропейских переводных сочинений. Кое-что любознательный царь почерпнул из бесед с иностранными офицерами. Опираясь на эти сведения царь не упускал случая поучить воевод, как надо воевать.

Сам Алексей Михайлович участвовал в трех военных походах 1654—1656 годов. В боях он, в отличие от Петра участвовать не стремился. Зато много энергии Тишайший проявлял в области, которую условно можно назвать военным строительством, включая вопросы организации армии и ее снабжения. В этом срачасти сказалась любовь царя мелочам, его домовитость и рачительность. Он, как истый хозяин, постоянно все считал и пересчитывал, густо заполняя своими трудноразборчивыми пометами и выкладками узкие поля столбцов. Для него было вовсе не зазорным, примеру, в росписи против «Масло рядовое 2 тож (то есть 2 пуда. — И. А.)» приписать распоряжение: «Будет дешевле 40 ведер, будет дорого 30 ведер»¹³.

Конечно, это было рутинное, иссушающее своим однообразием занятие — постоянный поиск средств, провианта, пороха, лошадей, подвод... Взвалив на себя этот колоссальный труд, царь занимался им систематически и превратил его в одну из главных сфер деятельности возглавляемого им Тайного приказа. Понятно, что куда приятнее было бы видеть нашего героя в самом центре сражения, в пороховом дыму. Но из песни слова не выкинешь: воевал Алексей Михайлович преимущественно за столом, вооружившись не саблей — гусиным пером.

Все это делает государя похожим более на интенданта, чем на командующего. На тот момент это обстоятельство сыграло свою положительную роль. Близилось время регулярных армий, и проблемы организации и снабжения войск, финансы приобретали все большее значение. Тишайший, пусть неуклюже и с большими издержками, разрешал их.

Учитель

В государственных делах раскрывается еще одна особенность характера Алексея Михайловича — неодолимая потребность поучать, наставлять, морализировать. Все это он делал с большим старанием и охотой, не считая за труд по два-три раза чернить уже набело написанную грамотку. Словесные увещевания даже отчасти подменяли столь ценимую им «царскую грозу» и были для него истинным эликсиром, дарующим душевное равновесие.

Он высоко ставит службу, но не всякую, а «со всяким усердием», «радостную», «нелицемерную». «Ведаешь ты наш обычай, хто к нам не всем сердцем станет работать и мы к нему сами с милостью не вскоре приразимся»¹⁴ — так сформулировал свое кредо царь в одном из своих писем.

Напротив, случаи «непрямой службы» вызывали у Алексея Михайловича взрыв негодования. Особенно раздражали его ложь, обман, леность. «От века того не слыхано, чтоб природные холопи государю своему... писали неправды и лгали», — выговаривал он, к примеру, окольниковому князю И. И. Лобанову-Ростовскому, уличенному в ложном донесении. За подобный проступок стольник М. Плещеев был приговорен думой к кнуту и ссылке. Царь изменил приговор, приказав писать виновного по московскому списку с уничижительным исчислением его служебных качеств — клятвопреступник, ябедник и «бездушник»¹⁵.

Однако в склонности царя к поучению уместно видеть не одно капризно проросшее менторство. Ощутима эпоха, канун нового времени с его апелляцией к личности. Правда, эпоха Петра более обращается к разуму и к прозаическим понятиям о выгоде и пользе. Отсюда и другой язык, и иная система убеждений. Тишайший же — человек переходного времени. Всепобеждающий и всемогущий Разум пугает его. Он весь обращен к вере. Для него Страшный суд не холодная роспись в храме, а живое чувство, страшные мучения, уготованные тем, кто осмеливается в своем «высокоумии» отвергать предначертанное Богом. Не случайно, уличив А. Л. Ордина-Нащокина в намерении проводить на переговорах с поляками свою линию, царь выговаривает ему за «высокоумие»: уповай на Бога, а не на свой «слабый переменчивый ум». Но при этом воля Божья для Тишайшего не что иное, как его тайный наказ с условиями примирения с королем!

Царские послания интересны еще и тем, что в них Алексей Михайлович зачастую предстает эмоциональным, экспрессивным человеком. Он далеко не так благодушен и ровен, как принято считать. Пример тому — история с казначеем Савво-Сторожевского монастыря Никитой.

Проделки последнего вскрылись в мае 1652 года. Казначей бражничал, не слушал архимандрита, избивал стрельцов, поставленных на постой в монастырь. Наконец, при обыске в его келье были обнаружены писания, в которых Никита жаловался на немилость царя к обители. Все это сильно задело молодого государя. Он вспылал, загорячился. Подвернись Никита в момент, когда царю поднесли извет, — быть ему битым, как это случалось даже с боярами. На его счастье, виновный сидел в Звенигороде, и царь, не дотянувшись, поневоле *раскрылся* — взялся за перо.

Что особенно вывело из себя Алексея Михайловича? То, что Никита преступил «старческий чин» и, вместо того чтобы быть образцом послушания и благочестия, возгордился, зазлодействовал и, забыв обо всех царских милостях, ответил черной неблагодарностью. По твердому убеждению царя, подобный

проступок требовал наказания показательного, по принципу «чтоб другим неповадно было».

Алексей Михайлович не поскупился на нелестные эпитеты в адрес Никиты. Тот у него и враг Божий, и богоненавистник, и христопродавец, и лукавый раб, и даже единомышленник сатаны. «Хто тебя, сиротину, спрашивал над домом Чюдотворцовым да и *надо мной*, грешным, властвовать?» — вопрошал царь, приняв за оскорбление царского сана избиение стрельцов, которые стояли в обители по его приказу.

«И дороги ль твои грозы мне? — писал далее царь, называя изгнание казначеем стрельцов «грозами». — Ведаешь ли ты то, что опричь Бога и матери его владычецы, наша Пресвятая Богородица и света очию моею, чудотворца Савы, и не имею, опричь той радости, никакой и надежды. То моя радость, то мое и веселия, и сила и на брани против врагов моих». Пожалуй, ни в одном из ранних писем Тишайшего с такой полнотой не прозвучала вся сила его религиозного чувства и уверенность в *предназначении*, как здесь. Ему, богоизбранному государю, за заступничеством Бога, Богородицы и святителей «ничье грозы не страшны» — ни ничтожного «шпыря Никиты», ни «своего брата, государя»!

Похождения казначея напомнили царю о всей пагубности «безначалия». Отчего Никита сплутовал и согрешил? От недосмотра. Архимандрит монастыря Гермоген был слишком стар и слаб, чтоб справиться с непокорной братией. В обители, правда, были твердые начальствующие люди, но как раз в это время они отсутствовали — были в соловецкой посылке с митрополитом Никоном. По счастью, посольство уже двигалось назад к Москве и царь приказал писать им про нерадостные монастырские новости. Грамотка эта не просто сохранилась — на ней собственноручные царские пометки, свидетельство неостывающего интереса к делу. Царь приказывает старцам бить челом Никону, чтобы тот отпустил их «к нам наскора для това, что за грехи мои (!) и ваши обчие монастырь... в конец разорился. Вас нет, казначей взбесился и *задуровал* (это приписка царя), а архиморит аглох, а братья не токмо вино, но и табак пьют»¹⁶.

Кажется, какое огромное расстояние между царем и «лукавым» казначеем Никитой! Но царю в этом деле все важно: для него гармония в строгом соблюдении каждым своего «чина», где чин — образец и канон. Тишайший страдает от каждого покушения на эту гармонию, от разрушения богоданного «чина» и порядка, в котором, собственно, для него заключена красота мира.

Современники оставили достаточно пространные описания второго Романова. Поразительна, однако, их противоречивость. Царь «кроток и благочестив» (с последним согласны все), но притом события «обнаружили в нем свойства суровые»; он умен и... «не терпит советов, противных его мнению»; ищет любви у своих подданных и «строг в наказаниях»; наконец, «дух его наделен... блестящими врожденными дарованиями», но он груб и необразован. Можно говорить о пристрастиях или поверхностности этих характеристик. Но в противоречивых отзывах — противоречивость самого Тишайшего и одновременно его времени, во многом «повинного» в происходящем с нашим героем. Это время меняло Тишайшего, и, начав царствовать со свадьбы, на которой вместо угарного веселья звучало благочестивое духовное песнопение, он заканчивал свое правление придворным театром с «французской пляской». Дух переходного времени пронизал и накрепко привязал Алексея Михайловича к себе.

Примечания

1. Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Т. 1. № 34. 56.
2. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1884. С. 126.

3. Цит. по: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М. 1939. С. 238.
4. См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л. 1984. С. 51—56.
5. ААЭ. Т. IV. С. 86—87.
6. Материалы по истории СССР. Вып. 3. М. 1989. С. 147.
7. Каптерев Н. В. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад. 1912. С. 42.
8. РГАДА. Ф. 27. Д. 93. Л. 13. 15; Д. 99. Л. 38.
9. См. подробнее: Гурлянд И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль. 1902.
10. Путешествие в северные страны Де-Ламартиньер. М. 1911. С. 175.
11. См.: Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб. 1889. С. 40.
12. См.: Коллинс С. Нынешнее состояние России // Учреждение династии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX вв. М. 1997. С. 200; Путешествие в северные страны... С. 146.
13. РГАДА. Ф. 27. Д. 83. Л. 8.
14. Там же. Д. 100а. Л. 2—5.
15. ПСЗ-1. Т. 1. № 170.
16. Труды Российского императорского археологического общества. Т. 2. М. 1869. С. 686—687, 695—696.